

STUDIA PHILOLOGICA

МАЛАЯ СЕРИЯ

Вяч. Вс. Иванов

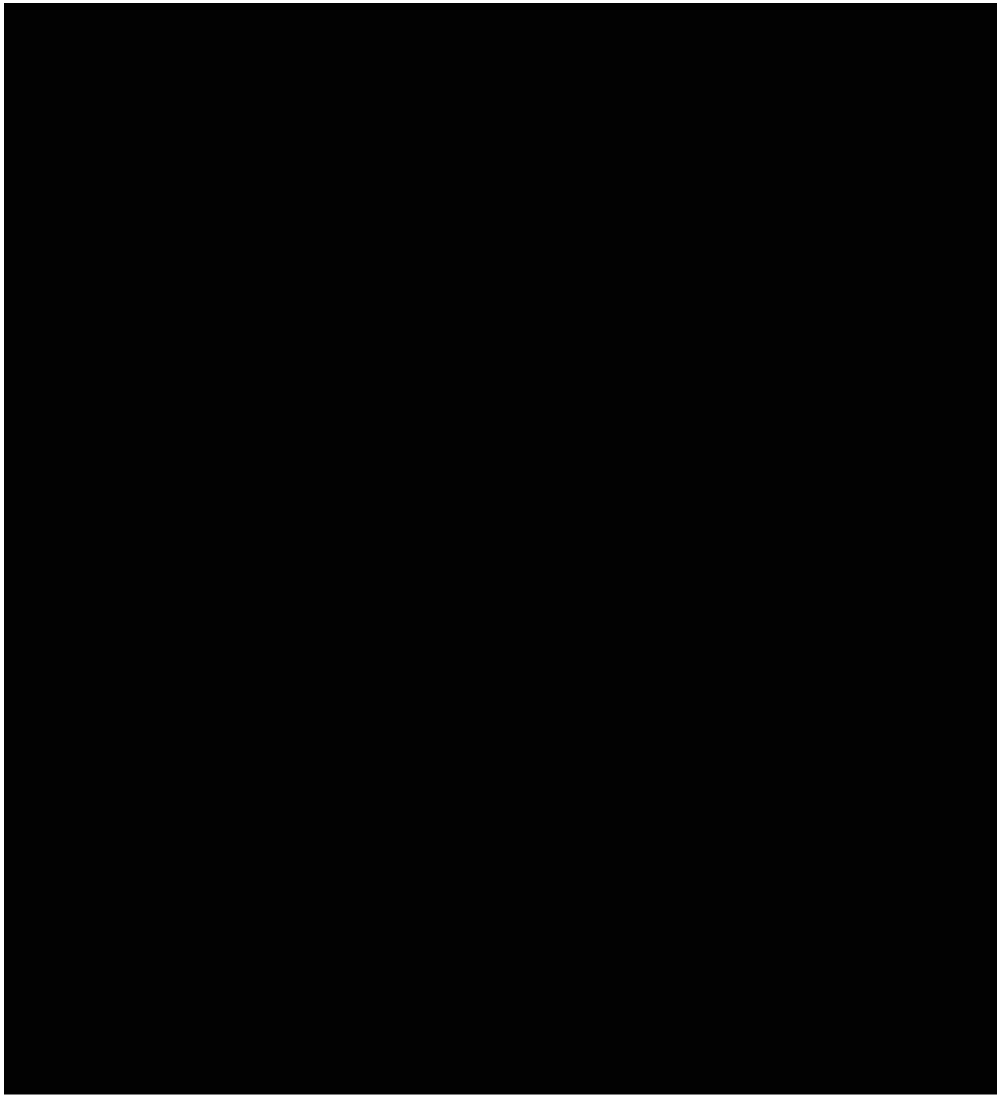
ЛИНГВИСТИКА
ТРЕТЬЕГО
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

ВОПРОСЫ К БУДУЩЕМУ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОСКВА 2004

СОДЕРЖАНИЕ

0.1. Вместо предисловия	7
0.2. Вступление	13
1. Насколько линейна реализация фонем в речи? Психофонетика и письмо	17
2. Субморфы и их диахроническая значимость	29
3. Сокращение и изнашивание морфов	35
4. В чем разница между предложением, словосочетанием и словом: <i>don't touch-me-or-I'll kill-you</i> sort of countenance.	42
5. Из скольких частей состоит предложение? Проблема начальной группы частиц	46
6. Грамматические универсалии. Глагол и имя.	51
7. Пути семантических исследований. Распределение семантических и грамматических типов значений в мозге	60
8. Грамматикализация лексем и лексикализация грамматических форм.	71
9. Какие грамматические структуры совпадают в разных языках?	77
10. Что создается заново и что запоминается? Текст как целое. Данные нейролингвистики	84
11. Языковая ситуация мира и прогноз на ближайшее будущее	89
12. «По-просту»: языки Великого княжества Литовского	101

13. Языки большого города	106
14. Языковая биография личности	123
15. Методы реконструкции и их роль	128
16. Связи между макросемьями	135
17. Аффективная сторона текста. Уменьшительность: четверостишие Бунина и тохарские параллели	139
18. Парные слова с начальным губным носовым	142
19. Синэстезия: Хлебников, Рембо, Скрябин	144
20. Остаточная энтропия языка и сложность	148
21. Замечания к проблеме методологии гуманитарных наук	154
 Литература	 161
 Иллюстрации	
А. Размещение семантических и грамматических кате- горий в передних и задних отделах левого и правого полушарий (по данным односторонних электросу- дорожных шоков). Схемы 1—13	171
Б. Карты распространения языков в области Лос- Анджелеса. 1—8	

0.1. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предварительный сокращенный вариант предлагаемого сочинения был написан по предложению Г. Берестнева (в прошлом — моего аспиранта, потом успешного докторанта) для издававшегося им в Калининграде сборника статей. Когда черновой набросок был закончен, я показал его нескольким друзьям — Т. М. Николаевой, Е. В. Падучевой, Т. В. Цивьян, А. А. Зализняку, В. Н. Топорову. У них возникла мысль превратить статью в небольшую книгу. Согласившись с этим предложением, я стал дорабатывать текст, добавляя иллюстрации и уточняя некоторые из излагаемых мыслей.

Переходя к обряду выражения благодарностей, в данном случае совсем не формальному, я хотел бы вовлечь в него не только всех выше названных, помогавших мне своими доброжелательными откликами на этот текст, но и гораздо более широкий круг моих коллег по наукам, изучающим человека. Большинство идей, развитию которых посвящена эта книга, стали предметом обсуждения в тот период «бури и натиска», который лингвистика, а с ней вместе и другие вновь возникавшие дисциплины семиотического цикла, переживала в России в 1960—1970-х гг. Возможно, что уже в начале 1950-х гг. самая способная гуманитарная молодежь (многим из которой мне посчастливилось читать лекции, хотя разница в возрасте между нами была небольшой) выбирала как поле приложения своих способностей языкознание потому, что из всех наук о человеке оно обладало наиболее строгими методами и вмешательство правящей идеологии здесь после смерти Сталина становилось минимальным. Приезжие ученые, которым довелось участвовать в лингвистических и семиотических обсуж-

дениях тех лет в Москве, Ленинграде и (несколько позднее) в Тарту, дивились на это интеллектуальное богатство, не уставая твердить, что ничего подобного тогда не было ни в одной другой стране. Постоянное общение с блестящими представителями этого лингвистического поколения, занятого возникавшими впервые проблемами, на всю жизнь дало неисчерпаемый запас новых точек зрения и оригинальных вопросов, которые я пробую развить и продолжить в этой книжке. Я не повторяю того, что уже тогда было выяснено, а хочу заглянуть в еще неразведанные области, куда ведут начатые тогда поиски. Все основные постулаты лингвистики с точки зрения этих наших только вступающих в нее ниспровергателей подлежали пересмотру. Но в то же время они всерьез занимались сделанным раньше в разных областях языкознания и хорошо знали наиболее существенное из затевавшегося в духе их занятий в это время за рубежом. Их привлекали и открывавшиеся возможности приложений математики, а также и применение экспериментальных методов, подсказанных смежными науками (как, в частности, развивавшейся в те годы нейропсихологией). Начинаясь плодотворное сравнение естественного языка с искусственными логическими и введение в лингвистику математически строгих рассуждений объединяло это новое поколение лингвистов в нашей стране с их сверстниками (а отчасти и с такими редкими предшественниками, как Ельмслев и Рейхенбах) в Америке и западноевропейских странах. На первый план выдвинулось изучение метаязыка лингвистики¹, сопоставление разных возможных лингвистических моделей, структуры порождающих и анализирующих

¹ В строгом логическом смысле о метаязыке можно говорить применительно к формализованной системе. Поэтому терминологически точно употребление этого названия по отношению к грамматике Панини, который описывал уже достаточно формальную («обработанную» — *saṃskṛta*, т. е. искусственную) систему классического санскрита. В лингвистике термин «метаязык» принято, однако, употреблять и в более широком (и поэтому расплывчатом) смысле как обозначение языка, используемого для исследования другого языка.

правил и их объяснительной силы. Со временем можно предположить вероятность выделения этого рода занятий в особую область, в такой же мере обособленную от остальных частей языкознания, в какой математическая логика отлична от собственно математики. Но, продолжая это сравнение, можно надеяться и на пользу, которую исследование оснований лингвистики может принести конкретным исследованиям. Формальные методы описания естественных языков (вскоре пригодившиеся и для разных языков программирования) уже привели к более строгой постановке новых и переформулировке старых собственно лингвистических задач².

Накопленный в лингвистике (не только в описываемый период, но и гораздо раньше на протяжении тысячелетий) запас идей и методов, сближающих ее с другими точными науками³, может представить интерес и для смежных дисциплин.

² Разумеется, сохранялись и консервативные тенденции или лингвистический изоляционизм: во вполне традиционной филологической работе далеко не всегда предпринимаются сколько-нибудь серьезные попытки учесть недавно открывшиеся новые возможности более точного анализа текстов. В то же время первые робкие (отчасти еще крайне наивные и несовершенные) опыты формализации не всегда приводили к осязуемым лингвистическим результатам, а при этом иногда отвлекали от необходимой срочной работы по описанию языков (в том числе исчезающих с большой скоростью или быстро меняющихся в новых социальных условиях). Это особенно огорчительно из-за того, что может возникнуть недооценка формальных методов вообще.

³ Поскольку недостижимым пока образцом методологически строгого исследования остается древнеиндийская грамматика, начало которой можно отнести к предшественникам Панини, жившего в середине I тыс. до н. э., кажется поучительным изучаемое теперь Столлом (а до него Алленом) соотношение идеи нуля в математике (развивавшейся несколько позднее лингвистики и под вероятным ее влиянием) и грамматике в Индии. В частности, показательно, что знак нуля⁰ используется в обозначениях чисел и для того, чтобы символизировать отсутствие слога или части слова в грамматике, ср. Kaplan 1999, p. 41—48; о кружке (санскрит. *śūnya-sakra* — «нулевой круг») как графическом символе математического нуля в Индии см. Ifrah 2000, p. 368—406, 433, 437—438, 483, 509, 534.

Сейчас во всем мире гуманитарные науки переживают глубокий кризис. Хотя теоретически многими осознается, что, вслед за биологией и отчасти опираясь на ее опыт, науки о человеке начнут сближение с основными областями точного знания, тем не менее движение в этом направлении к концу завершившегося века замедлилось. Набор представлений, сформировавшихся во время создания теории информации и всего нового комплекса знаний, называвшихся (в широком смысле) кибернетикой (которая долго служила для нас и защитой от обвинений в противоречии официальной идеологии), обновлялся лишь в незначительной степени. За редкими исключениями (такими, как грамматика Панини) богатое наследие формальной лингвистики предшествующих эпох и направлений структурализма, отличных от нескольких последующих, излишне популярных (как порождающая грамматика), и других течений, объединяемых иногда понятием функциональных, полузабыто. В мире до сих пор недостаточно знают и многие существенные итоги русских работ 1950—1990-х гг. по дешифровочному и формальному подходу к языку, которые отчасти шли в направлении, близком к порождающей семантике и сходным течениям, но привели к значительно более содержательным результатам⁴.

В особенности обидно то, что занимающиеся формальной лингвистикой за редкими исключениями почти не знают давно достигнутых выводов исторического языкознания, которые могли бы при должном рассмотрении пролить свет на структуру языка в целом. Вместе с тем в традиционно хорошо изученных областях сравнительно-исторического исследования языков заметно ослабление творческого импульса, сказывающееся в недооценке установления макросемей, которое (за вычетом замечательных работ покойного Гринберга, в Америке совершенно изолированного) велось главным образом русскими учеными (в том числе и уехавшими на Запад). Хо-

⁴ В частности, в описании морфологии, которую генеративисты в США открыли для себя с удивительным опозданием и нередко без знания всего уже в этой сфере сделанного, в частности, И. А. Мельчуком.